

Ему приходилось энергично обороняться. Не имея веса в обществе и необходимых средств, происходя из бедной незнатной семьи (Фонвизин попрекал его породой), он прилепился к Елагину и с его помощью делал карьеру. Но и в елагинском кружке он стоял особняком, отличаясь от его руководителя и от Волковых и от Домашнева и Нартова. Лукин не имел своего журнала, но молчать не хотел. Предисловия его предвосхищают будущие сатирические издания с их полемикой и бытовыми зарисовками. Лукин дает бой своим противникам, подробно исчисляя их нападки и отвечая на ожидавшиеся возражения.

Подобно Лукину поступал и Чулков. Он обращался к своим читателям в предисловиях к издаваемым книгам. Так, в 1766 г., выпуская «Пересмешник», Чулков в предисловии изложил свою характеристику, цель своего сочинения, сделал выпад против любителей иностранных слов и против пересмешников.

Таков состав и предисловия Лукина к «Моту, любовию исправленному», изданному в «Сочинениях и переводах Владимира Лукина» в 1765 г.; и он сообщает сведения о себе, о своих намерениях и литературных взглядах, возражает пересмешникам и просит снисхождения к своим слабостям, что делает и Чулков. Оба они даже употребляют в предисловии одну и ту же поговорку «первую песенку зардевшись спеть». Отметим кстати, что в тексте Лукина есть и еще одна поговорка, а в тексте Чулкова — две.

Сходясь между собой в манере предисловий, во враждебном отношении к нерусским словам и выражениям — они различаются во взглядах на роль и задачи сочинителя. По мнению Чулкова, книга его «неудобна исправить грубые нравы» и будет только полезным препровождением времени. Позднее, в «И то и сьо» он также будет говорить, что не может быть народным учителем. Лукин смотрит иначе. Он надеется — вернее, «не отчаивается» — чтобы его предприятие, «хотя некоторые не сделали пользы и не исправило сердце, подвластных порокам», им обличенным. Лукину свойственно стремление «чистить нравы» и исправлять общество, Чулкову — нет: он развлекает своего читателя и дает ему полезные сведения. На этого читателя-разночинца, купца, слугу, актера, он и ориентируется, в то время как Лукин ориентируется еще на мецената, на покровителя, каким для него являлся Елагин.

«Смешно же и слышать, что уже и Лукин комедию сделал», — говорит выведенный в предисловии к «Моту» Самохвалов. Лукин — «кошенст», человек из низов, пошел в литературу! Чулков, придворный лакей, портит песни Сумарокова! Дворянские литераторы возмутились. В этом поддержали их и представители буржуазии вроде Эмина, подобострастно относившегося к дворянству и власти. Под беспрерывными ударами критики Лукин бросил писать: литературные противники его победили. Последняя вещь его «Задумчивый» вышла в 1769 г. Появившаяся в 1773 г. пьеса «Вторично вкравшаяся любовь», перевод из Мариво, только предполо-